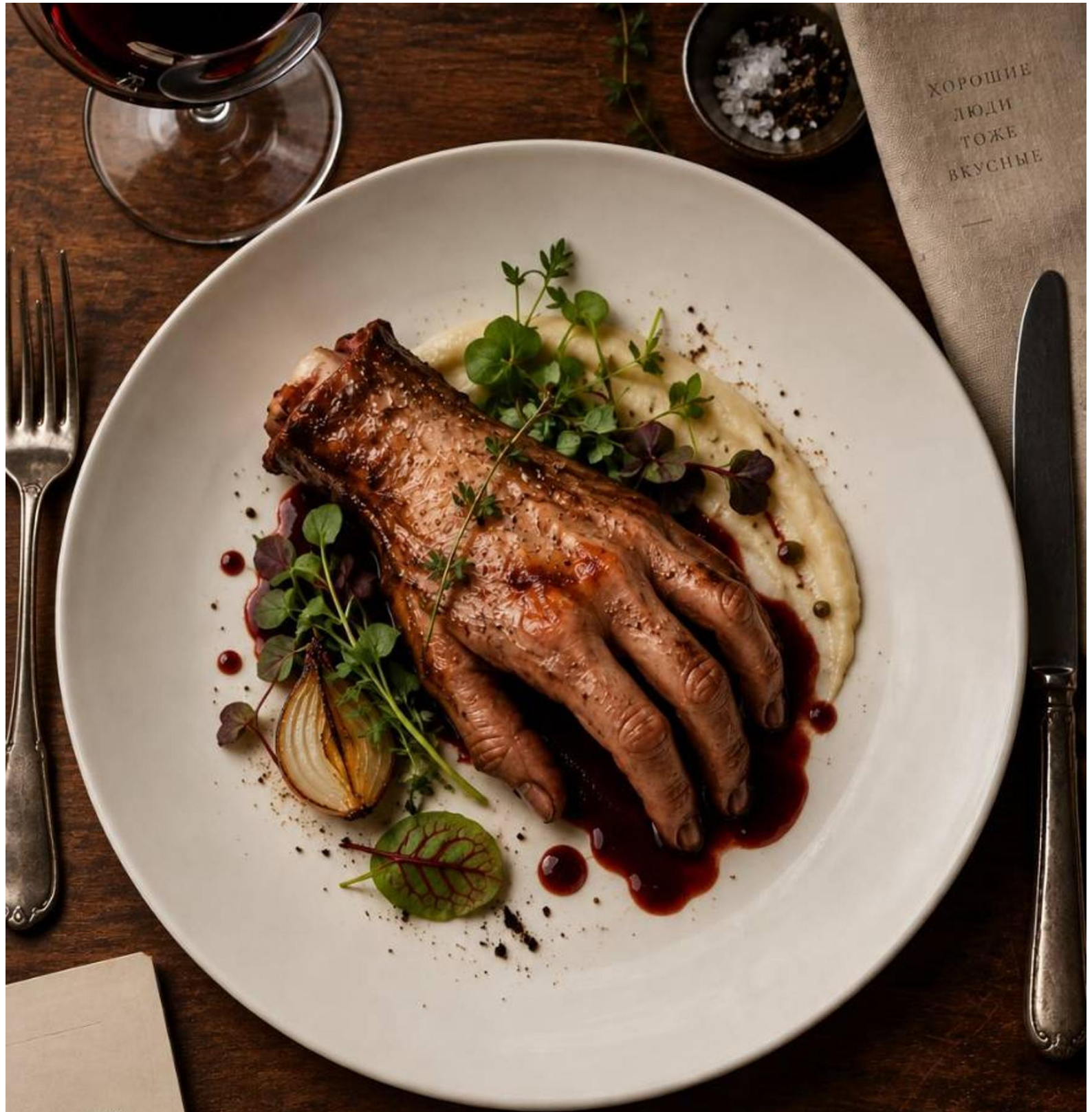

ХОРОШИЕ
ЛЮДИ
ТОЖЕ
ВКУСНЫЕ

НЕКОТОРЫЕ
БЛЮДА
ОСТАЮТСЯ
В ПАМЯТИ
НАВСЕГДА

Стол №16

АРТЁМ ВЕЛЬД

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Артём Вельд

Стол 16

«Автор»

2026

Вельд А.

Стол 16 / А. Вельд — «Автор», 2026

Алиса ненавидит своё тело. Ненавидит настолько, что готова на всё, лишь бы стать другой. Диеты, срывы, таблетки, форумы с гарантированными методами похудения. Она пробует всё, что обещает результат. И однажды результат приходит. Только вот вместе с ним приходит странный, чужой и неутолимый голод. Она больше не одна в своей голове. И этот кто-то очень, очень хочет есть.

© Вельд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Стол 16	5
***	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Артём Вельд

Стол 16

Стол 16

Договорив по телефону, Валерия Андреевна поспешно снимает пиджак со спинки учительского стула и накидывает его на плечи. Замешкавшись в проеме, она поворачивается к нам и уставшим голосом произносит:

– Только умоляю вас – не разнесите тут все. Я скоро вернусь.

Дверь захлопывается. Секунда тишины – и по классу прокатывается чей-то шелестящий шепот. Уже через пару минут в кабинете воцаряется полный хаос: кто-то пихается локтями с соседями, кто-то хлопает ладонью по парте, задавая ритм нарастающему шуму. Класс тонет в гвалте, хохоте и нестройных выкриках.

Помимо меня во всеобщем веселье участия не принимает только Катя Романова, которая всегда держалась особняком. Она достает пудреницу, с сосредоточенным видом разглядывает полное угреватое лицо и принимается якобы поправлять макияж. Я с трудом отрываю взгляд от физиономии Кати, отражающейся в ее маленьком зеркальце, и смотрю на часы. Затем на дверь и снова на часы. Поскорее бы вернулась Валерия Андреевна, пока они не...

Словно услышав эти мысли, ко мне оборачивается Соловьева. На ее тонких губах медленно расплывается гаденькая ухмылка. И она делает то, чего я боюсь больше всего.

– *Ни-ка-ка-ая не лиса-а...* – тянет она нараспев.

В классе вдруг повисла тишина: гомон резко затих, а в переброске снарядами, видимо, было негласно объявлено перемирие. Ведь намечается что-то поинтереснее. Все, за исключением увлеченной своим внешним видом Романовой, разом обернулись ко мне.

Я судорожно трясую головой и с немой мольбой смотрю в хитрые глаза Соловьевой. Но я знаю, что уже поздно. Ни разу еще они не прекращали, если уж начали.

– *И уж точно ты не лебедь,* – в унисон продолжили несколько мальчишек.

Лера Гуськова, сидящая передо мной, с ехидной усмешкой бросает прямо в лицо:

– *Настоящая свинья!*

– *Только хрюкаешь и жрешь без меры,* – заканчивают они все вместе.

Класс взорвался дружным хохотом. Этот обидный стишок Вероника Соловьева придумала еще в пятом классе. С тех пор он с завидным упорством декламируется почти каждый раз, когда учителя надолго оставляют нас одних.

В ушах нарастает гул. Я уже почти не слышу их издевательский смех, а гадкие рожи начинают расплываться: мои глаза медленно наполняются слезами. Сердце бьется где-то в горле: каждый удар отдается в ушах шумными толчками крови. Хочу что-то ответить, наконец – острое, колкое, чтобы они поняли, что меня это больше не задевает. Но слова застревают где-то на полпути, превращаются в крупный шершавый комок, от которого невозможно избавиться.

Я опускаю взгляд на свои трясущиеся руки и вскакиваю со стула, пятясь в конец класса, подальше ото всех. Дыхание превращается в короткие, рваные всхлипы. Тело пробивает крупная дрожь. Это не мои руки! Или я всегда была такой?..

Одноклассники вдруг разом встают со своих мест и медленно приближаются ко мне. В их руках невесть откуда взявшиеся биты. Мой мечущийся от одного к другому взгляд падает на первые парты и упирается в спину Романовой. Она единственная не принимает участие в экзекуции. Почему над ней не издеваются так же? Ведь Катя почти такая же толстая, как и я. Но почему-то для них она не свинья. Ее вообще никто и никогда не трогает. Вернее, разок

пытались: задирали, пихали. Но тогда она сломала мальчику с параллели руку – и все резко прекратилось. У меня же никогда не хватало смелости дать отпор.

– Мочи ее, народ! – доносится выкрик из толпы.

И, словно все только и ждали этого сигнала, с разных сторон на меня обрушиваются удары. Я прижимаю подбородок к телу, склонив толстую складчатую шею, и закрываю руками голову. Они ведь туда и метят, я точно знаю. Деревянные палки с глухим стуком отскакивают от костей предплечий, причиняя острую боль. Пошатываясь, я забиваюсь в угол и кричу:

– Пожалуйста, хватит, пожалуйста!

Кто-то с силой тыкает меня битой в живот. Воздух резко покидает легкие и я скрючиваюсь от нового взрыва боли, на мгновение открывая голову. Тут же мне на затылок с силой обрушивается очередной удар. Перед глазами плывет, и я падаю на четвереньки, почти утыкаясь пятаком в обшарпанный деревянный пол.

Под чей-то воинственный вопль затылок снова пронзает резкая боль. Я не удерживаюсь и валюсь на пол. Свернувшись в калач, пытаюсь руками защитить пробитую голову от следующих атак. Болит каждая косточка – тупой болью разрывается череп, саднят переломанные ребра и их осколки, кажется, впиваются в легкие. Из моего горла с кашлем выскакивают кровавые сгустки. Я почти перестаю слышать крики. В голове звучит лишь мое собственное дыхание – тяжелое, хриплое и свистящее.

В правом локте что-то хрустнуло и конечность выгнулась под неестественным углом. Я лежу на спине, безвольно раскинув руки в разные стороны. Хочу попросить их прекратить, но силы находятся только на жалобный стон.

Через полуприкрытые веки вижу гаденькую рожу Соловьевой. Она достает из-за пояса небольшой нож.

– Держите ее, ребят!

Трое мальчиков с готовностью бросаются ко мне, хватают за руки и ноги, плотнее прижимая их к полу. Зачем? Я и так покалечена настолько, что уже не в силах пошевелиться. Скорее бы уже все закончилось. Не могу больше терпеть.

Соловьева присаживается рядом и брезгливо морщится, когда касается моей головы, чтобы повернуть ее набок. Я не сопротивляюсь.

– Пора прощаться, хрюшка, – с деланным сочувствием произносит она и одним резким движением делает глубокий надрез на моей шее под правым ухом.

Звук разрывающейся свиной кожи оглушает. Но боли почему-то нет.

«Ну хоть за ноги подвешивать не стали – и на том спасибо...» – проносится у меня в голове, пока я безразличным взглядом кошусь на пол, где медленно расплывается лужа карминно-красного цвета.

Одноклассники, не сговариваясь, делают пару шагов назад, замороженно наблюдая, как из меня вытекает жизнь.

Шувалов крутит в пальцах короткий разделочный нож и издевательски протягивает:

– Ну что? Готова к потрошению?

– Щетину, – робко напоминает Димка Волков. – Щетину же еще надо убрать.

Всегда молчал, а тут на тебе! Голос прорезался. Поганец мелкий...

Толпа одобрительно гудит. Кто-то из ребят хлопает его по плечу и вручает компактную горелку, навинченную на газовый баллон. Дима неуверенной походкой приближается ко мне. Сухо щелкает кнопка пьезоподжига и с глухим ревом вырывается синее пламя, которое бегло шарит по моему телу. Воздух наполняется тошнотворным ароматом жженных волосков.

Огонь горелки задерживается на моем животе, хотя я уверена, что там уже не осталось ни щетины. Волков делает это просто из чистого садизма, пока кожа не начинает меняться: вот из розовой она становится темной, а в эпицентре пламени и вовсе быстро чернеет и... с

громким треском она вдруг лопается, лоскуты расходятся широко в стороны, обнажая влажно блестящие внутренности.

Из последних сил я открываю рот и пронзительно кричу, когда они набрасываются и голыми руками принимаются вытягивать из моей брюшины петли кишечника и отрывать органы, швыряя их в сторону, как ненужный мусор.

Нет, я не просто кричу. Я визжу.

Визжу, как свинья.

Я резко распахиваю глаза и понимаю, что истошно ору в унисон со свиным визгом в голове. Замолкаю, и визг тоже, хоть и не сразу, но затихает. Дышу тяжело и прерывисто. Легкие, вроде, целы: ничего не свистит и не хрипит. Влага футболки, когда я ощупала себя, поначалу напугала, но я быстро поняла, что одежда мокрая не от крови, а от холодного пота. Сердце колотится, как бешеное.

Резким движением я сбрасываю с себя одеяло и задираю футболку, чтобы посмотреть на тело: моё. Не поросячье. Кожа не розовая. Придирчиво захватываю пальцами складки на боках: отвратительно, конечно, но явно не двести килограмм. Я – это все еще я, Алиса Лебедева.

Сползаю с кровати и достаю из-под нее весы. Недовольно морщусь, глядя на электронные цифры. Всего лишь минус кило за два дня. Кажется, эта диета без ужинов – такое же дерьмо, как и те, что были до нее. Вес толком не уходит, а вот нервов тратится вагон. И ради чего я лишала себя вкусовностей столько вечеров?..

Словно в подтверждение моим мыслям живот громко и требовательно урчит. Я бросаю короткий взгляд на часы: пора завтракать и за работу. Хорошо, что уже пятница, думаю я, пока понуро плетусь на кухню.

Чувствую себя разбитой. Эти сны меня доконают... С окончания школы прошло уже больше семи лет, и все это время с завидной частотой мне снится всякая дрянь. Страшно представить, что бы было, если бы не удалось в свое время убедить родителей пристроить меня в универ на заочку. Еще одних таких «одноклассников» я бы точно не пережила.

То же самое касалось и коллег – сразу после школы повезло устроиться в компанию, производящую бытовую технику среднего сегмента. Везение было, разумеется, не в должности, а в том, что вакансия была удаленной и не требовалось контактировать ни с кем. Собственно, карьерный рост на этом и кончился – я до сих пор занимаюсь тем, что составляю инструкции для новых холодильников, блендеров, пылесосов и прочей дребедени. Платят нормально, на жизнь хватает, так что не жалею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.